

Б. Д. Джамгерчинов: история о истории.

Еще недавно, в советское время, количество диссертаций, посвященных к проблемам завоеванию царской Россией Средней Азии и преобразованиям, произошедшим после завоевания, которые вносились на защиту, были немногочисленны. Как говорится, их можно было посчитать по пальцам. Одной из них является данная работа (докторская диссертация) видного, талантливого историка Б.Д. Джамгерчинова (встречается также в виде «Джамгирчинов», «Джамгырчинов», мы взяли из титульного листа диссертации). Конечно, в официальной биографии никто о данной диссертации уже не вспоминает. Читаем только короткий, сухой отчет, что советский историк, партийный и общественный деятель Бегималы Джамгерчинович Джамгерчинов родился 2 (15). 10. 1914 г. Умер 31. 10. 1982. С 1941 г. член КПСС, с 1954 г. Академик АН Киргизской ССР. В 1951–54 гг. ректор КГУ. В 1952–56 гг., член ЦК КП Киргизии, депутат Верховного Совета Киргизской ССР 3-го - и 4-го созывов (1951-59). Автор более 30 исследований, главным образом по истории Киргизии 19 в.

В основном, часто упоминаются такие работы, как: «Добровольное вхождение Киргизии в состав России» (1963), «Очерки политической истории Киргизии XIX в.» (1966), «История Киргизии (с древних времён до 23 съезда КПСС)» (1967, совместно с В. П. Шерстобитовым, А. К. Каниметовым), «Марксистско-ленинское решение национального вопроса» (1969) и др.

Но, мало кто помнит, что до этого в свет вышли его же принципиально новые статьи как: «Киргизы в эпоху Ормон-хана» (//Труды ЛЯЛИ Кир. ФАН СССР. Вып. 1. 1944), «Из истории военных отношений киргизов конца XVIII в.» (//Академику К. И. Скрыбину. Издательство Кирг. фил. АН СССР, 1945).

Но вернемся к докторской диссертации. Вошедшие в анналы истории его основные работы были продолжением данной докторской диссертации. Как явствует из титульного листа, работа была подготовлена в 1950 г., на русском языке. Видно, что для исследования поставленной проблемы автор использовал достаточно важные, порой уникальные документы и материалы из центральных и республиканских архивов Союза ССР. Изучил десятки фондов, исследовал множество документов и материалов, где впервые были обобщены отчеты, записки, списки, отписки и т.д. относящимся к периодам до и после завоевания.

В ней встречаются очень подробные сведения о Северном Кыргызстане до присоединения ее к России. Автор обращает внимание на некоторые неточности таких русских историков-исследователей, как В. Бартольд. Также, большое внимание уделено к кыргызско-кокандским, кыргызско-русским, кокандско-русским отношениям, в некоторых местах те или иные события описываются в мельчайших деталях. Хронология присоединения Северного Кыргызстана к царской России изложены очень тщательно. До Б. Джамгерчинова, большинством советских историков, процесс присоединения Кыргызстана, в том числе: колониальная политика царизма; административные реформы 1860–80-х г.г.; системы управления Туркестанского края, областных и уездных управлений, освещались односторонне.

Обоснованное использованное архивных и других исторических материалов в работе дает очевидное представление о причине успешной колонизации Северного Кыргызстана, в число которых можно отнести превосходство в вооружении, умелое использование межродовой и межплеменной вражды кыргызов в свою пользу. А также раскрываются причины возникновения политических и экономических кризисов,

обнищания и роста безземелья среди местного населения («туземцев»), в общем, тех процессов, которые, в конечном счете, стали катализаторами восстания 1916 г.

Использованные в работе материалы, не только не потеряли свою ценность, наоборот, их ценность только возросла. Внимательный читатель методом сравнения и анализа может найти немало полезных материалов, способных обеспечить более точные ориентиры в исследовании истории своей страны. Например, из документов, использованных в работе видно, что, в начале, не вся верхушка бугинских родов добровольно и открыто согласились принять подданство царской России, и выразили безоговорочную поддержку, как принято считать. Б.Д. Джамгерчинов со слов Венюкова привел такие сведения: *«Если партия бугинского манапа Мурат-Али и Чон-Карача примет участие в действиях против нас, то истребить ее в устрашение прочим родам. Не поняв чести и ласки, пусть испытывают кару и мзду»*. В другом месте автор использовал относящиеся к 1860 г. документ, где указано, что, когда *«В целях укрепления влияния России среди бугинцев, их наиболее влиятельные манапы были приглашены ... в Верный»*, а в это же время *«часть племени сарыбагышей под управлением манапов Адыла (т.е. имеется в виду известный манап Адыл Субанов), Аджи (т.е. Ажы Ниязбеков, брат Ормон-хана), Калыгула (т. е. Калыгул Баев) кочевали на северном побережья Иссык-Куля»*. Это означает, что вопреки некоторым источникам¹, Калыгул Бай уулу в 1860 г. был жив, что подтверждал еще в середине XIX в. и Ч. Валиханов. Например, в его записях, относящихся к 1856–57 гг., Калыгул Надырбеков как живой человек и бий 4-ого отделения сарыбагышев фигурирует в нескольких листах². Мы привели, всего лишь, пару примеров. Между тем, в диссертации содержатся немало ранее неопубликованных сведений.

Встречаются и особенности, которым давать объяснение очень сложно. Например, при описании второго этапа Кокандского восстания в 1875–76 г. (глава VII), несмотря на существовавшей, в то время, идеологической обстановке (более подробно остановимся ниже), автор пришел к смелому выводу, что *«Наряду с насильственным подчинением киргизских племен войсками русского царя, наиболее дальновидные политики из киргизов правильно учли могущество «белого царя», его роль и значение в Средней Азии. Ормон-хан принял решение о союзе с русскими еще задолго до завоевания Средней Азии — в 1847 г., в то время, как Пишпек был завоеван только в 1860 г. Еще раньше (с 1814 г.) к этому решению пришли бугинцы, принявшие русское подданство при Боромбае в 1855 г.*

Эту политику ориентации предводителей киргизского народа на русский протекторат, как выход из международного кризиса, грозившего подчинением восточным деспотам, не обеспечивающим единства киргизских племен, следует признать дальновидной и прогрессивной, политикой наименьшего зла.

На этом фоне заслуживают оправдания, а не порицания, централизаторские тенденции Ормон-хана, его попытки объединить киргизские племена, не считаясь с преградами и не смущаясь средствами, как бы повторявшись в миниатюре век Ивана Грозного в России. Это не значит, что Ормон-хан, Курманджан датха, Боромбай перестали быть эксплуататорами, — феодалами и манапами. Но надо различать феодалов, заботящихся только о личной наживе, и тех, которые, нося в себе отрицательные качества, все же не утрачивали чувство ответственности перед народом, пусть даже проявляемое с личными целыми и тенденциями. Естественно, что в условиях феодально-родового и буржуазного строя тенденция народа к

¹ Например, в интернет сайте: literatura.kg/persons/?aid=377 даже имеется сведение, что кыргызский акын Калыгул Бай уулу родился 31 октября 1785 года и умер 1855 г.

² Валиханов Ч.Ч. Собр. Соч. в 5-ти т. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 82-88.

объединению, в какой-то мере осуществляемая их вождями, не могла привести к желаемым результатам. Совершенно понятно, что сказанное справедливо в разной мере для разных лиц. Боромбай шедший на союз с русскими, пытался видеть в последних союзников для продолжения межродовой борьбы в личных интересах. Когда колонизация стала фактом и киргизской народ ощутил тягости ее политика **союза манапов с русским командованием, отягощающая положения трудящихся масс киргизских племен** (специально выделено нами) была, несомненно, предательская. Сопrotивление же завоевателям Умбета Али (сын Ормон-хана) или Балбая, который отрешился от межродовой борьбы и откочевал в горы, было явлением прогрессивным, направленным на усиление борьбы киргизского народа за свою независимость».

Вся сложность заключается в том, что приведенная нами цитата полностью была использована еще чуть раньше и в труде Н. Бернштама¹, только в нем вместо выделенных слов **«союза манапов с русским командованием, отягощающая положения трудящихся масс киргизских племен»** присутствует единственное слово **«Шабдана»**. Если эта цитата принадлежит к Бернштаму, тогда выходит, что ученый предвзято относился к истории Шабдана Джантаева, так как встречаются множество противоположных сведений. Например, еще 1896 г. начальник Пишпекского уезда написал донесение о том, что *«на сколько я понимаю Шабдана, он скорее для нас в настоящее время вреден, чем полезен и потому надо его и ему подобных не возвеличивать, а постепенно без резкости стусевывать и их влияние на народ»*², и хотел его даже временно удалить из уезда, но испугался, что за Ш. Жантаева вступится весь уезд. В другом месте отмечается, что *«Шабдан Джантаев уполномочивается обществом киргиз области уехать в Петербург и ходатайствовать лично пред Государем Императором о нуждах киргизского населения»*³. Видно, что в статье Н. Бернштама не все архивные материалы были использованы, более внимательно к ним относился Б. Джамгерчинов.

Поэтому публикация данной диссертации без исправления, и без редактирования – в первоначальном виде, думаем, в определенном смысле, будет хорошим путеводителем и для отечественной истории и для будущих историков. А также для различных редсоветов, даже отдельных критиков, желающих контролировать всю страницу отечественной истории под прикрытием государственных или национальных интересов, которые до сих пор не канули в Лету, в силу тех или иных причин. Потому что, в нормальных, демократических режимах, каждый исследователь имеет право на отдельный взгляд и идею, которую он может доказывать на страницах СМИ, основываясь на тех фактах, непосредственно отраженных в источниках.

Суть дела в том, что при знакомстве данной работой должна учитываться время и та атмосфера, которая сложилась именно над темой, выбранной автором. Существовавшая в Советском Союзе строгая цензура, которая нанесла гигантский материально-моральный ущерб в развитии науки вообще, очень сильно повлияла на мировоззрение субъектов, из-за него большинство исследований в итоге оказались однобокими, в смысле, подачи исторических событий. В государственные архивы получали доступ лишь единичные исследователи, пользовавшиеся особым доверием правительства. Но и они могли публиковать после некоторых проверок, проверяли, чтобы не было политических ошибок, к печати допускались только в том случае, если их точка зрения совпадала с партийным. Тот, кто действительно хотел написать историю своей страны «лучше всех», должен был предварительно получить «ценные» указания сверху.

¹ См.: «Об Ормон хане и Иване Грозном». //Бернштам А.Н. Т. I. Избр. соч. Б., 1997. С. 445.

² Шабдан баатыр; эпоха и личность: Документы и материалы. Б., 1999. С.84.

³ Там же. С. 114.

Конечно, во все времена история была мощным идеологическим оружием. Причем, чем деспотичней был государственный строй, тем консервативней и официальной была историческая наука. Государственная идеология Советского Союза пошла именно по этому пути. Она подчинила себе целый ряд сфер науки — экономику, социологию, философию, историю и т. д. Согласно указаниям компартии ученые переписывали ее так, чтобы она оправдывала и укрепляла основы этой же партии. При этом, и сейчас мало кто понимает, что тогда на творчество историка, кроме мировоззренческих, идеологических, политических, психологических и других моментов огромное влияние начала оказывать «его величество» конъюнктура.

Постепенно наука в целом, в том числе, и историческая, стала крепко связанной с идеологией и политикой, хотя партийному аппарату и тогда надо было делать все возможное, чтобы ее деидеологизировать и деполитизировать, избавляться от различных спекуляций и попыток использовать историю в политических целях. Основным цензурным органом был Главлит – с 1922 г. контролировал всю советскую печатную продукцию на предмет соответствия содержания к государственной идеологии и наличия в ней гостайны. Вожди разъяснили, какими должны быть философия, история, литература и т. д., а главное, чего делать не следует. В издательствах, даже в каждой редакции газет-журналов, как и редакторской, и идеологической, стала существовать цензура партийного руководства, которые выбрали специально для этих целей в виде «редсоветов», «ученых советов». Также огромное число «цензоров-добровольцев» занималось поиском каких-либо идеологических огрехов, пропущенных официальной цензурой, сообщая об этом в государственные и партийные органы. Практически любое произведение нужно было согласовывать.

В основном все началось с того, что 27 января 1936 года почти все советские газеты напечатали постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании специальной комиссии под руководством Жданова *«для просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории»*. Это была, в определенном понимании, команда, которая в итоге привела к печальному концу целой империи, но тогда «цензоры» последствия своей работы не понимали. Главными партийными «артиллеристами», с «точным научным расчетом», должны были стать философы, политэкономы и историки. Под влиянием указаний свыше (т.е. под диктовку Сталина, Кирова, Жданова и т.д.), в исторической науке стали утверждаться догматизм и начетничество, подмена научного анализа цитированием классиков марксизма-ленинизма-сталинизма, подгонка исследования под неоспоримость теоретических воззрений одной партии. Если до этого ученые применяли в основном, термин «завоевание Средней Азии», с этого времени вошло новое понятие «присоединение к России». Новизна «подлинной» концепции была связана с трактовкой места и роли русского народа в отечественной и мировой истории. Основные направления указывались на, *«трудящиеся всех наций Советского Союза на деле знают, какую огромную помощь оказал им великий русский народ. Они идут с ним рука об руку по одному пути, к одной цели»* или *«русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых побед и до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика»*¹ и т. д. С этого времени началась травля, всех и вся. Не имевшие ни какое отношение к истории, стали учить, как правильно должна писаться и преподаваться история. *«Доклад Жданова оказался сигналом к новым репрессиям, продолжением «великого похода» против творческой интеллигенции, начатого Сталиным в 1937 году. Борьба против*

¹ См.: //Правда. от 1, 10. 02. 1936.

«космополитов» и «местных националистов», набирал силу»¹, в скором времени она докатилась и до Средней Азии. Одной из первых книг, за которой утвердился нелепый ярлык «антирусской» стала «История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней» (под ред., А. М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова), изданная в 1943 г.. Она была подвергнута устами проф. истории А. И. Яковлева и Г. Александрова жесточайшей критике. По мнению членов редсовета «авторам работы свойственен тон явно враждебный относительно русских войск и русских деятелей, которые принимали участие в деле включения Казахстана в Россию»². На страницах журнала «Вопросы истории» в начале 50-х гг. развернулась дискуссия по вопросу о прогрессивности присоединения к России. Везде, в пример ставилось добровольное вхождение в состав России украинского, белорусского, грузинского народов.

Таким образом, ранняя трактовка историков «завоевательной политики царизма» («школа Покровского») для цензуры стала не желательной, были внедрены новые понятие типа, как «добровольность» вхождения народов Средней Азии в состав Российской империи и «прогрессивные последствия». Все это очень сильно повлияло на творчество авторов той или иной специальности. В исторических исследованиях на первое место вышла не история, обоснованная на законах общественного развития – наоборот, историки стали играть в политику, а политики повседневно стали использовать историю в одностороннем контексте для достижения определенных целей. Общественные науки практически стали утрачивать свои исконные функции, и историческая наука шаг за шагом становилась чисто партийной, объясняющей всю историю человечества как историю борьбы классов, рассматривающий внутривнутриполитические события и процессы на международной арене через призму интересов коммунистической партии и мирового рабочего движения. Закрыв доступ исследователям к документальным источникам, применение отдельным «благонадежным лицам» разрешительной системы, силовое внедрение монополии коммунистической идеологии, обусловили тот факт, что после 40-х г. исторические исследования выходили крайне малочисленно, небольшие по объему, которые отличались скудостью фактического материала и искусственно подгонялись под теорию строительства коммунизма.

Из-за своей деликатности, исследования связанные с завоеванием царской Россией Средней Азии, вообще, стала непопулярной. Моментально реагируя на политику, историки вынуждены были искусственно обосновывать концептуальный вывод о том, что только под влиянием революционных событий в России народы Туркестана смогли выйти из «вековой отсталости» к «вершинам исторического прогресса», и что, в этом «важнейшее решающее прогрессивное значение сыграло присоединения Средней Азии к России». Большинство историков от греха подальше, начали выбрать темы ближе к истории партии, в основном отражающие установленные лозунги, типа «триумфальное шествие советской власти по окраинам», или стали заниматься только преподаванием – тем, что им разрешалось. Те, кто выбрали такую или близкую ей тему, обязательно должны были показать тесный союз, который складывался между трудящимися массами Средней Азии и пролетариатом России. Поэтому такие научные выводы «основанные» на классиках марксизма-ленинизма, встречались в каждой работе. Надо заметить, что некоторые из них иногда служили, как бы, отвлекающим маневром, бывали случаи, когда такая хитрость срабатывала.

Однако как видим, и во время тотальной цензуры находились ученые, которые стремились, не смешивать науку с политикой, писать историю такой, какая она была и

¹ //Советтик Кыргызстан, от 30. 12. 1989.

² Доклад академика Е. Тарле на Ученом совете Ленинградского университета «О роли территориального расширения России в XIX – XX в.». См.: //Вопросы истории. 2002. №6.

есть на самом деле. Одним из них был и Б.Д. Джемгерчинов. Но, по инерции машина уже крутилась, и вооружившиеся «ответственными» указаниями идеологических отделов ЦК партии, чиновники, занимавшие важные места, постоянно стояли начеку. Порядок казался незыблемым. Поэтому на XI пленуме ЦК КП (б) Киргизии 1-секретарь И. Раззаков в прямом смысле обрушился с критикой, в том числе и на Б. Джемгерчинова. Вот некоторые выдержки: *«Серьезные идеологические ошибки и извращения допущены в ряде научных работ по истории...»*, она заключилась, *«в антиисторическом подходе к освещению прошлого Киргизии, в идеализации феодально-родового, в неправильной трактовке исторических событий – присоединения Киргизии к России, восстания 1916 г., Андижанского восстания 1898 г. ...Профессор Джемгырчинов в своей работе «Киргизия в эпоху Ормон-хана» идеализирует его, историю Киргизии середины XIX века по существу свел к истории правления Ормон-хана¹. В работах многих киргизских историков полно и ярко не отражено огромное прогрессивное значение присоединения Киргизии к России»².*

Теперь думается, а что было бы, если 1- секретарь лично познакомился данной работой историка? Да, не избежать бы ему кары партийной. Но, как говорится, история не имеет слагательных наклонений – ученый, знавший заранее, возможные последствия, «выбрав зло поменьше» защитился в Ленинграде. Потому что, все знали, что цензура в национальных республиках была несколько раз жестче, чем в двух центрах – Москве и Ленинграде. Это объяснялась с тем, что вся верхушка национальных республик – союзных и автономных – в обязательном порядке назначались, т.е. были ставленниками Кремля, которым положено было выполнять только указания начальства. Поэтому боялись брать на себя ответственность. Им было удобнее скинуть задачу на кого-то другого. А тот – еще на кого-то. И так до бесконечности. Ключевые вопросы решались в начале в партийных комитетах, даже на рассмотрение пленумов вносились немногие из них, фактически любые решения были в руках всемогущего бюро (в ЦК КПСС – Политбюро) и секретариатов партийных комитетов. В номенклатуру ЦК, помимо работников партийных и советских карательных и правоохранительных органов, входили руководящие кадры всех отраслей народного хозяйства (вплоть до директоров и главных инженеров небольших предприятий), работники заготовительных органов (включая районных уполномоченных) директора вузов, НИИ, академических театров и т.д. Все они проходили утверждение через секретариат ЦК. В него и поступали жалобы и предложения по самому широкому кругу вопросов, для рассмотрения которых организовывались проверки, создавались комиссии, местным партийным органам поручалось разобраться и наказать виновных. Что бы показать себя, местные парткомы той или иной организации, часто принуждали какого-нибудь коммуниста выступить от имени партии против конкретного гражданина, и, инсценировав показательный процесс, в конечном итоге, для отчетности принимали развернутые решения. Такие парт ячейки или отдельные коммунисты поощрялись, повышались по работе. За любую политическую ошибку, присвоив абсурдные обвинения типа, как «за сотрудничество с империалистическими разведками» или «за заговор с целью восстановления господства буржуазии» репрессировали. Рассматривались и идеологические вопросы – от бичевания «ошибочных» статей или

¹ Для сведения напомним: при написании «Киргизия в эпоху Ормон-хана» автором были использованы в некотором смысле не совсем достоверные исторические фольклоры (например, присутствующий в том труде Качике – сын Тюльки, был ровесником не Ормон-хана, а его дедушки – Эсенкула, который умер еще в конце XVIII в., тем более упоминающийся в нем Айдаке-батыр [правильнее Айдарке] считается старшим братом Эсенкула), и по этой причине описываемое событие не могло произойти, когда все роды саяк оплакивали «умершего саякского батыра Тайлак», т. е. примерно 1830–40 гг., поэтому историки, имеющие к нему определенное отношение должны провести сравнительно научный анализ.

² См.: //Советская Киргизия. 4. 06. 1952.

стихотворений до разборки в отношении заподозренных в недооценке «борьбы с проявлениями национализма». При такой системе историкам писать правду или правдивую историю, была нелегко, даже опасно, и многие, не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях, были репрессированы.

Не только работы Джамгерчинова, но и бывали случаи, когда отдельные труды других исследователей, относящейся к периоду колонизации Россией Кыргызстана, даже не допускались к республиканской печати. Например, судьба книги «Народное движение в Киргизии в период Кокандского ханства», изданная в Москве, складывалась нелегко. В 1970 г. А.Х. Хасанов, в соответствии с договором Киргосиздат, сдал рукопись «Из истории народно-освободительного движения в Киргизии в период господства Кокандского ханства» объемом в 12, 5 печатных листов. Но руководитель республиканского Главлита считал, что в монографии усилен национально-религиозный аспект восстаний, допущена идеализация отдельных исторических личностей и, главное, выступления народных масс носят явно антирусский характер. Эти замечания – несостоятельность их была очевидной – были им направлены в Отдел науки ЦК КП Киргизии, который поручил Ученым Советам Института истории АН Киргизской ССР и Института истории партии при ЦК КП Киргизии на объединенном заседании обсудить работу «с принципиальных партийных позиций». Члены Ученых Советов названных институтов, подчиняясь партийной дисциплине, решили, что монографию «публиковать нельзя». Набор книги был рассыпан¹. Потом она также вышла в Москве.

Но, самое главное, эти исследования ученых, до сих пор не потеряли своё научное значение, остаются важными источниками. Потому что, вопрос о присоединении Средней Азии к России в настоящее время снова стала актуальной. Это объясняется с тем, что после развала Советского Союза многие историки начали увлекаться собственным толкованием исторических событий, целью которых стало доказательство ошибочности всего того наследия, которое годами создавалось советской историографией. Появились диаметрально противоположные утверждения. Если, в постсоветских республиках вопрос присоединения к России рассматривают, как завоевание, колонизация, насильственное привнесение русской культуры, напротив, в русские историки подчеркивают, что присоединение Средней Азии к России имело огромное прогрессивное значение в социальной сфере, экономике, политике, культуре и т. д.² Поэтому, наличие большой документальной базы, использование многочисленных исторических источников и архивных материалов делают, некоторые научные выводы Б. Джамгерчинова, актуальными по сей день. Еще в начале тридцатых годов XX в., французский публицист, поэт, академик Поль Валери, имея в виду современную ему буржуазную историографию, писал, что *«из поля ее зрения ускользают «отношения первостепенной важности», а поскольку отбор «фактов» не подчинен научному методу, такая наука представляет собой «ужасную мешанину», содержит в себе все и дает примеры всему. В силу этого она абсолютно ничему не учит, более того, «заставляет мечтать», «опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания, растравляет их старые раны, вызывает у них манию величия и манию преследования, делает нации желчными, высокомерными, нетерпимыми и тщеславными», и в этом смысле «история - самый опасный продукт, выработанный химией интеллекта»³.*

Итак, история, конечно, должна играть важную роль во внутренней политике. Совсем другой вопрос — обратившись к прошедшей истории того ли другого народа,

¹ Хасанов А. Избранные труды. Очерки по истории Киргизии. Бишкек-Москва; 2004. С. 234.

² Например см.: Глушенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.

³ Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать. Политическая публицистика времен перестройки. М., 1991. С. 15 – 31.

нельзя скрывать, умалчивать или переписывать, при этом, его отдельные страницы. Переписывание, «улучшение» истории не изменит реальность, но может сделать невидимыми корни многих проблем и болезней современного общества. В этом смысле, предлагаемая работа Б. Д. Джамгерчинова, думается, определенном понимании, должна играть роль противоядия. Историкам и в будущем будет интересно, что в прошлом, при тоталитарной системе как изучали историографию проблемы; степени ее разработанности, позволяющее определить спорные результаты и какие были пробелы в полученных ими знаниях, а также наличие неисследованных областей. Практически все это отразилось данной работе.

Диссертационная работа предоставлена из личной библиотеки Э. Турганбаева.

Вступительное слово к публикации написано Э. Турганбаевым.

Электронный вариант работы подготовлен www.bizdin.kg в рамках проекта «Электрондук китепкана» при поддержке Фонда «Сорос-Кыргызстан» в 2011г.